

УДК 327.8
ББК 66.4 (4/8)

ТРИ МИФА О БАЛАНСИРОВАНИИ УКРАИНЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Скриба Андрей Сергеевич

Аспирант кафедры мировой политики
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
askriba@gmail.com
ул. Мясницкая, 20, 101000 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Дискуссия об интеграционном выборе Украины в последнее десятилетие традиционно основывается на трех общеизвестных тезисах: о безусловной значимости этой страны для региональных группировок, о желании России любыми средствами вовлечь ее в евразийскую интеграцию, а также о ее ключевом месте в отношениях с Россией и ЕС, характеризующихся как «игра с нулевой суммой». Проведенное исследование показало их несоответствие действительности и негативное влияние на развитие, в частности, российско-украинского сотрудничества. Критический анализ этих тезисов позволил избавиться описанные российско-украинские отношения от конъюнктурной составляющей, продемонстрировал истинную суть противоречий между двумя странами. Сделанные выводы могут быть положены в основу политики, направленной на эффективное вовлечение Украины в евразийские интеграционные процессы.

Ключевые слова: Украина, политика балансирования, интеграция, баланс сил между Россией и ЕС, политика малых государств.

За минувшие после распада СССР двадцать лет российско-украинских отношений Украина уже традиционно стала одним из самых сложных и противоречивых партнеров на постсоветском пространстве. С одной стороны, сохраняется высокая значимость торгово-экономического сотрудничества для обоих государств. С другой – налицо «охлаждение» российско-украинского диалога как долговременный тренд 2000-х гг., в котором периодически проявлялись и серьезные обострения отношений двух стран.

Примечательно, что в общении России и Украины зачастую присутствовал и третий член «уравнения» – Европейский союз. Достаточно долгое балансирование украинских руководств между этими двумя крупными акторами международной политики (которым, согласно традициям теорий реализма, можно смело придать великодержавную характери-

стику) позволило Украине успешно сформировать и популяризовать три мифа, достаточно часто и относительно эффективно используемые ею в рамках переговорного процесса с указанными сторонами.

Первый миф касается значимости Украины для ЕС и России с точки зрения сохраняющегося и подразумеваемого соперничества обоих акторов в регионе. В результате констатируется, что Украина, в связи со своим уникальным геополитическим положением, априори представляет исключительный интерес и для России, и для Европейского союза, которые готовы пойти на многое ради втягивания ее в зону своего влияния.

Второй миф, которым руководство Украины часто манипулирует в ходе переговоров с европейскими партнерами, содержит в себе обвинения России в возвращающемся «империализме» – попытках «на-

силы притягивания в зону влияния и давления по ряду интеграционных вопросов.

Третий миф успешно использует интерпретацию отношений России и Европейского союза как «игры с нулевой суммой», представляя практическую интеграцию Украины с одним из акторов как его однозначный выигрыш и, соответственно, проигрыш его оппонента.

Однако события последнего времени убедительно показывают, что соответствие действительности трех указанных положений вызывает определенные сомнения. По мере укрупнения и приостановки расширения Европейского союза, а также после формирования на постсоветском пространстве Таможенного союза и Единого экономического пространства, Украина оказалась вне обеих группировок. При этом все чаще создается впечатление, что страна скорее «теряет» от подобной «независимости», чем приобретает новые преимущества. Указанные обстоятельства повышают актуальность критического исследования трех обозначенных мифов с теоретической и практической точек зрения.

Украина априори нужна и России, и Европейскому союзу.

Наверное, бессмысленно отрицать, что Украина имеет важное и политическое, и экономическое, и военно-стратегическое значение для обоих великодержавных акторов – Европейского союза и России. Действительно, эта бывшая советская республика занимает выгодное геополитическое положение – расположена между двумя главными политическими игроками региона, и ее объединение (интеграция) с одной из сторон сулит этой стороне высокие дивиденды. Вспомним хотя бы ставшие уже классикой фразы американского геостратега З. Бжезинского о том, что с Украиной Россия автоматически превращается в империю, а без нее этот статус в значительной степени изменяется [13].

С одной стороны, сегодня едва ли можно говорить о привлекательности интеграции для инвестиций нынешней украинской экономики. Ее конкурентоспособность продолжает оставаться на сравнительно невысоком для европейского региона уровне [12], да и та в основном поддерживается внешними заимствованиями. Однако, с другой стороны, большое количество неосвоенных ресурсов, а так-

же высокий транзитный потенциал этого государства существенно повышают заинтересованность в нем со стороны и России, и ЕС.

При всех этих очевидных преимуществах вызывает удивление, и на первый взгляд оправданное, тот факт, что оба великодержавных актора не прилагают более значимые усилия для вовлечения Украины в зону своего влияния. Сами попытки, без сомнения, имеют место быть, однако в ходе переговорного процесса по вопросам интеграции и Европейский союз, и Россия занимают жесткие позиции относительно условий двустороннего сближения.

Так, европейский вектор интеграции Украины не единожды обозначался ее руководством в качестве приоритетного, и для сближения с Европейским союзом украинский истеблишмент предпринимал немало активных шагов. Тем не менее, как показывает практика конца 2012 – первой половины 2013 г., у ЕС появляются новые требования к Украине [9]. При этом однозначно говорить об успешном выполнении этих требований в намеченные обеими сторонами сроки (к саммиту Восточного партнерства в ноябре 2013 г.), так же как и о том, что количество этих требований не будет в будущем расширено, пока не представляется возможным.

Попытки украинского руководства активизировать переговоры с Россией – сблизить позиции и найти обоюдовыгодные варианты сотрудничества со сформированным по ее инициативе совместно с Белоруссией и Казахстаном Таможенным союзом – пока также не находят практической реализации. Предложенный Украиной вариант «3+1» – присоединение лишь к некоторым отдельным положениям Договора о Таможенном союзе – так и не нашел поддержки со стороны России. Сейчас речь идет о предоставлении Украине статуса наблюдателя в Таможенном союзе с правом совещательного голоса в Комиссии ТС, который, однако, вряд ли позволит оказывать существенное влияние на принимаемые решения.

Подобная «неуступчивость» Европейского союза и России с точки зрения структурного реализма объясняется отсутствием высокого уровня конфронтации между самими этими великодержавными акторами. Например, в теории баланса угроз С. Уолта гово-

рится, что великая держава А допускает примыкание (англ. – bandwagoning) к ней малого государства в том случае, если суверенитету последнего угрожает великая держава В [15]. Иными словами, сближение (что важно – без предварительных условий) возможно при существовании угрозы статус-кво системы баланса сил.

Схожую ситуацию можно было наблюдать в середине первого десятилетия 2000-х гг., когда обострение российско-украинских отношений и многочисленные энергетические конфликты были восприняты многими европейскими странами как давление России на Украину. Или, иначе говоря, украинскому руководству удалось выгодно конвертировать российско-украинские конфликты в видимость агрессивной политики Москвы, направленной на недопущение сближения Киева с евроатлантическими группировками (ЕС и НАТО).

В те годы в сознании многих европейских политиков еще не завершилась деидеологизация отношений Европейского союза и России. Они продолжали видеть эти отношения в формате уже прошедшей «холодной войны», пытаясь экстраполировать старые методы взаимодействия на современный этап сотрудничества. Неудивительно, что «оранжевая революция» в Украине и последующая активизация евроатлантического вектора внешней политики страны была воспринята на Западе не иначе как осознанный выбор суверенного государства, реализовать который пыталось помешать российское руководство, продолжающее мыслить имперскими категориями.

Тем не менее, уже к концу первого десятилетия 2000-х гг. в Европейском союзе постепенно начинает преобладать прагматичный подход по отношению к интеграции Украины в европейскую группировку. В таком подходе по-прежнему сохранялась заинтересованность ЕС в сближении с Украиной, однако вместе с тем подчеркивалась необходимость проведения широкого круга реформ с целью большего соответствия этой страны «европейским стандартам». В целом подобный прагматичный подход был обусловлен несколькими факторами. К ним можно отнести развитие диалога России со «старыми» членами ЕС (Германией, Италией, Францией) и его постепенная деидеологизация, снижение значения тран-

зитного статуса Украины для европейско-российских отношений, а также внутриевропейский политический и финансовый кризис, который поставил под сомнение целесообразность как последних, так и предполагаемых расширений Европейского союза.

В отсутствие конфронтации между великодержавными акторами Украина начинает проводить политику, которую реализм характеризует как примыкание ради выгоды (англ. – bandwagoning for profit). Автором этого термина является американский политолог Р. Швеллер, который обнаружил, что стремление малых государств к примыканию может быть не только реакцией на внешние угрозы, но и самостоятельным выбором в пользу частичного ограничения национального суверенитета ради получения доступа к иным благам, предоставляемым союзом с великой державой [13].

Однако в этой ситуации важно отметить, что желание малого государства примкнуть к великой державе является важным, но отнюдь не достаточным для успешной интеграции условием. Международная практика показывает, что решающее значение имеет тот факт, насколько интересно самой великой державе расширение зоны своего влияния на новые территории – какие она будет иметь преимущества и какую «цену» придется заплатить за подобное увеличение своей силы.

Подобное явление в современных международных отношениях было отмечено российским ученым Т. Бордачевым. В частности, он отмечает, что в условиях демократизации и политизации международных отношений на первое место выходит не то, хороши или плохи лидеры сами по себе. Принципиален вопрос о том, как их поведение на международной арене соотносится с социальными ожиданиями других государств [3]. Применительно к перспективам интеграции по схеме «малое государство – великодержавный актор» данный тезис означает, что вероятность сближения и присоединения к группировке прямо пропорциональна способности соответствовать запросам со стороны интересующего объединения.

Итак, с одной стороны, и Европейский союз, и Россия имеют интерес к тесной интеграции с Украиной. Геополитически этот инте-

рес обусловлен, во-первых, ее ресурсами (людскими, земельными, полезными ископаемыми) и, во-вторых – территорией страны, которая занимает важное стратегическое положение между двумя великодержавными акторами. В связи с этим вполне логично, что и российские, и европейские официальные представители в своих заявлениях постоянно обозначают желание и готовность углублять двусторонние связи с Украиной.

С другой стороны, в условиях отсутствия конфронтации между Россией и ЕС, а также реальной угрозы украинскому суверенитету от одного из этих акторов, руководству Украины ради выгодного примыкания к одному из направлений потребуется приложить большие усилия. Ведь помимо территории, ресурсов и транзитного потенциала, Украина представляет собой сложное государственное образование, а значит, долгосрочность политики примыкания и ее выгодность для самого великодержавного актора будут определяться способностью украинских властей проводить политику, соответствующую внешним запросам.

Таким образом, нужда в Украине со стороны Европейского союза и России является не априорной и определяется ее соответствием ожиданиям со стороны обоих великодержавных акторов. Кроме того, по мере формирования Таможенного союза потенциальное сближение с ним Украины будет находиться также под влиянием ожиданий со стороны уже существующих его членов – Белоруссии и Казахстана. Возврат же к ситуации, когда серьезное обострение отношений между Россией и ЕС снизит интеграционные требования к Украине, теоретически возможен, однако в современных условиях такое развитие событий можно оценить как крайне маловероятное.

Россия давит на Украину ради втягивания ее в зону своего влияния.

После победы «оранжевой коалиции» в Украине в 2004 г. руководство страны взяло курс на ускоренную интеграцию в евроатлантические структуры – Европейский союз и НАТО. Безусловно, это не могло остаться без внимания России, которая расценила подобные шаги как потенциальную угрозу собственным позициям в Европе. В результате последовавшие за этим российско-украинские конфликты, сконцентрированные преимущественно

но в энергетической сфере, были интерпретированы представителями Украины и продемонстрированы странам Запада не иначе как проявление имперской политики России.

Особенно активную поддержку Украине оказывали Соединенные Штаты. Это неудивительно, поскольку многие американские политики как в середине первого десятилетия 2000-х гг., так и сейчас продолжают политику сдерживания России и по-прежнему рассматривают ее как геополитического противника США. В результате, видя в «оранжевой революции» перспективу окончательного отделения Украины от России и ее интеграции в западное сообщество, американские лидеры поддержали новое украинское руководство в его инициативах по вопросам вступления в ЕС, НАТО, ВТО, а также попытках диверсификации импорта энергетического сырья.

Среди государств-членов Европейского союза основными источниками поддержки Украины являлись восточноевропейские страны, в первую очередь – Польша. Последняя видела в потенциальном сближении ЕС с Украиной и Белоруссией возможность создания своего рода «санитарного кордона», защищающего демократическую Европу от имперской России. Одновременно возможное вступление Украины в Европейский союз способствовало бы увеличению влияния стран Восточной Европы в целом и Польши как их потенциального лидера в частности.

Как уже говорилось, главные конфликты между Россией и Украиной были сосредоточены в энергетической сфере. Суть двусторонних противоречий сводилась к вопросу цены на природный газ, поставляемый в Украину из России. Российско-украинские энергетические конфликты имели место быть дважды: в 2005–2006 гг. и в 2008–2009 годах. В обоих случаях они сопровождались прекращением поставок российского природного газа сначала в Украину по причине отсутствия подписанного контракта и согласованной цены на этот энергетический ресурс, а после – и в страны Европейского союза в связи с практикой несанкционированного отбора украинской стороной «европейского» газа.

Важно отметить, что российские газопроводы являлись единственным источником поставок природного газа в Украину, вне за-

висимости от страны его добычи. В этой ситуации жесткая позиция представителей страны-монополиста по вопросам ценообразования была охарактеризована украинским руководством как давление на суверенное государство. Целью же этого давления было предложено считать желание России повлиять на проводимую Украиной западно ориентированную независимую внешнюю политику и вернуть бывшую постсоветскую страну в зону своего влияния.

Дополнительным фактором успешной популяризации такой версии являлись отношения России с другой постсоветской республикой – Белоруссией. Аналогичные энергетические конфликты, связанные с условиями поставок в Белоруссию российской нефти и природного газа, неоднократно становились предметом осуждения белорусским руководством российской внешней политики. В частности, в марте 2002 г. Президент Белоруссии А. Лукашенко вовсе обвинил Россию в попытке включить независимое государство в свой состав, заявив следующее: «Даже Ленин и Сталин не додумались до того, чтобы раздробить Белоруссию и включить в состав СССР» [8].

Нетрудно заметить, что такая версия причин конфликтов на постсоветском пространстве противоречит сделанному ранее выводу о том, что Россия заинтересована в Украине (так же, как и в Белоруссии) лишь при определенных условиях. Политика же экономического или любого иного давления едва ли приведет к преобразованиям внутри малого государства, соответствующим ожиданиям великодержавного актора. На примере же Украины при наличии интеграционной альтернативы подобная политика вызовет обратную реакцию – попытку сближения с Европейским союзом.

Маловероятно, что российские политики не осознавали последствий этих конфликтов для российско-украинских отношений, а потому их инициация ни в коей мере не соответствовала интересам России. Существует другая, более логичная причина действий российского руководства, направленных на повышение стоимости экспортируемых ресурсов, которая заключается в завершающемся в течение первого десятилетия 2000-х гг. перехо-

де России на рыночные методы сотрудничества со всеми бывшими советскими республиками.

После распада Советского Союза и блока социалистических государств для сохранения великодержавного статуса России необходимы малые государства, примыкающие к ней как к международному лидеру. Наиболее очевидным вариантом привлечения таких государств на примере постсоветских стран в 1990-е гг. стало сохранение тесных экономических взаимосвязей. Экономическое сотрудничество с Россией позволяло ряду бывших стран СССР, в том числе и Украине, получать доступ к российскому сырью на льготных по сравнению с мировыми условиях, а также предоставляло российский рынок для сбыта неконкурентоспособной на мировом рынке украинской продукции.

Однако подобная политика «удержания» на примере Украины оказалась нерезультативной. Как и говорилось, в 2000-е гг. руководство этой страны взяло курс на европейскую интеграцию. Параллельно набирала обороты и антироссийская риторика в этой и других постсоветских странах. В совокупности с проблемами реализации экономических соглашений между Россией и этими странами [7], стало понятно, что эффективное и долгосрочное примыкание может быть обеспечено лишь в формате новых, инициированных российской стороной интеграционных объединений.

Таким образом, именно одновременная реализация Россией двух политик – интеграции (или реинтеграции) с постсоветскими странами и переход на рыночные экономические отношения с теми, кто дистанцировался от этих процессов – создала видимость давления на суверенные государства по вопросу их самоопределения. В действительности же подобное поведение страны являлось не более чем вполне адекватной реакцией на недружественную политику украинского руководства и отказом от экономических дотаций такой политики.

В целом ситуация осталась практически неизменной за последние несколько лет. В настоящее время российские политики продолжают выражать заинтересованность в присоединении Украины к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству. В то

же время российское руководство публично заявляет, что решение о присоединении – суверенное право украинского народа и Россия не будет на нем настаивать.

При этом важно заметить: не исключено появление новых барьеров в экономическом сотрудничестве России и Украины, вплоть до введения визового режима для украинских граждан и создания барьеров для украинских товаров на рынке Таможенного союза. Причиной этому также будет являться не только принципиальная позиция России по вопросу участия Украины в евразийских группировках, но и требования других участников этих объединений. О требованиях со стороны Белоруссии и Казахстана ужесточить условия экономического присутствия Украины на едином рынке трех стран, в частности, заявил в апреле 2013 г. заместитель директора Института стран СНГ В. Жарихин [4].

Аналогичным образом отказ от заключения соглашения между Украиной и Таможенным союзом не следует рассматривать исключительно как вопрос российско-украинских отношений. Любая интеграция предусматривает передачу части суверенитета. Белоруссия с Казахстаном осуществили эту передачу, а потому как действующие члены группировки имеют полное право требовать аналогичные действия от потенциальных участников объединения, отказывая последним в праве постепенного или частичного членства в евразийских организациях.

Итак, интерпретация российско-украинских политических и экономических конфликтов как инструментов давления России на Украину с целью вовлечения последней в зону своего влияния и принуждения к интеграции не выдерживает проверки практикой. Украина продолжает оставаться внеблоковым суверенным государством, тогда как двусторонние конфликты с российским руководством неуклонно снижают свою интенсивность, так же как и отношения двух стран в целом. Хотя в то же время приходится констатировать, что временной ресурс нынешнего внеблокового статуса Украины постепенно уменьшается, а потому украинский вопрос остается на повестке дня российской внешней политики.

Политика примыкания к одному из двух великодержавных акторов – несомненный выигрыш для одного и явная потеря для другого.

Отношения России и Европейского союза начиная с 2000-х гг. характеризовались растущей конкуренцией в европейском регионе. Точнее всего подобное состояние описывается как «игра с нулевой суммой», когда уступка одной стороны неизбежно оборачивается выигрышем для другой [2]. В таких условиях как в России, так и на Западе утвердилось мнение, что интеграция Украины в одном из указанных направлений становится очевидным благом для той стороны, с которой она сближается, и одновременно потерей для группировки, которой не удалось ее заполучить.

Однако насколько действительно долговременен и крепок союз великодержавного актора и малого государства? Как уже было отмечено, в случае наличия внешней угрозы подобное сближение обусловлено необходимостью уравнивать существующее статус-кво. Следовательно, по мере возвращения состояния сбалансированности международной политики потребность в союзе исчезает, и он ожидаемо распадается. Его потенциальное сохранение возможно лишь в случае заинтересованности обеих сторон в продолжении подобной кооперации в мирное время, что возвращает нас к теории баланса интересов Швеллера.

Итак, при отсутствии внешней угрозы успешность двусторонней интеграции зависит от желания малого государства примкнуть к великой державе, а также от его готовности ради выгодной для него интеграции соответствовать ее ожиданиям. В целом пример сотрудничества бывших социалистических стран с Европейским союзом в 1990-е – 2000-е гг. это подтверждает. Так, после проведения ряда внутренних экономических и политических преобразований многие государства Центральной и Восточной Европы в 2004 и 2007 гг. стали новыми членами ЕС.

В результате создается впечатление, что по завершении процесса «соответствия» между малым государством и великой державой устанавливается прочная связь, приносящая выгоду обеим сторонам. Об этом, в частности, свидетельствуют отношения «старых» и «новых» стран Европейского союза в 2000-е годы. Успешная реализация экономической кооперации постепенно позволила на самом высоком уровне говорить о бо-

лее углубленной институционализации отношений государств – формировании не просто общего, а единого политического пространства группировки.

В то же время, рассматривая нынешнюю динамику интеграционных процессов в рамках данного объединения, нельзя не заметить негативное на них влияние со стороны именно новых членов ЕС. Достаточно вспомнить попытку утверждения Лиссабонского договора, когда последними странами, одобрявшими его, стали Польша, Ирландия и Чехия (страны, не входящие в «ядро» Европейского союза). При этом Президент Чехии В. Клаус, выступая в Европарламенте и комментируя передачу полномочий (а значит и части суверенитета) наднациональным органам, вовсе сравнил ЕС с Советским Союзом [11].

Налицо поведение малого государства, которое, с одной стороны, заинтересовано в выгодном примыкании к более сильному и эффективном получении преимуществ от такого сотрудничества. С другой стороны, малое государство, единожды реализовав подобное сближение, начинает тормозить его дальнейшее развитие. И в этой ситуации его позиция видится прямо противоположной позиции более сильного партнера по объединению. Предпримем попытку найти научное обоснование данного явления, обратившись к теориям международной политики.

Классические теории реализма – политического, структурного, теории баланса сил и баланса интересов – традиционно сконцентрированы на изучении места и роли в международной политике наиболее крупных государств – великих держав. Это убедительно объясняется тем фактом, что именно эти государства, а точнее – их взаимоотношения, определяют состояние международной системы, ее сбалансированность и обеспечивают сохранение ее статус-кво. Таким образом, малые государства в этих теориях представлены не как субъекты, а как объекты международной политики, своего рода «инструменты» великих держав по сохранению или нарушению состояния равновесия международной системы.

Однако в современном мире приходится учитывать всевозрастающую роль малых государств в международной политике и конста-

тировать их повышающуюся «субъектность». Так, российские исследователи отмечают, что в современном мире малые и средние государства «не только не утратили свое значение в развитии международных отношений, но, напротив, эффективно демонстрируют способность к выживанию (вопреки прогнозу К. Хаусхофера о неизбежном сокращении их числа) и даже увеличивают свою роль и влияние на международные процессы» [6].

Тем не менее, поведение малых государств на международной арене определяется, прежде всего, состоянием международной среды, то есть конфигурацией сил великих держав в конкретном регионе. Исходя из этого, варианты такого поведения, позволяющие им выживать и сохранять большую или меньшую степень независимости, могут быть самые разные. В частности, такими вариантами могут быть: балансирование между державами (Бельгия до Второй мировой войны); защита, покровительство или протекторат со стороны великой державы (современный Израиль); невыгодность завоевания малой страны, как правило, из-за отсутствия у нее ценных ресурсов или высоких издержек по завоеванию и поддержанию контроля либо по причине того, что их «ценность» состоит именно в их независимости (Швейцария) [5]. При этом все названные варианты политики малых стран не являются постоянными и могут по-разному использоваться ими в зависимости от специфики международной ситуации.

Нетрудно заметить, что все указанные типы поведения характеризуются, с одной стороны, конъюнктурностью, а с другой – отсутствием системного видения международной ситуации. Иными словами, если у великих держав императив выживания в международной системе и сохранения своего статуса неразрывно связан со сбалансированностью отношений с другими формирующими баланс сил государствами, то малые государства ориентированы исключительно на собственное выживание в системе отношений великих держав. Последнее, несомненно, делает малые страны потенциальными дестабилизаторами существующего статус-кво.

При этом необходимо учитывать, что может существовать высокая степень корреляции между осуществляемыми внешнеполитически-

ми действиями и внутренней политической борьбой за власть [10]. В этом случае любое внешнеполитическое решение будет иметь внутриполитические последствия, что в условиях высокой политической конкуренции может привести к противоречиям между властными интересами руководства страны и ожиданиями со стороны его интеграционных партнеров. Следовательно, это становится обстоятельством, которое усиливает у малых государств дестабилизирующий систему баланса сил потенциал.

Таким образом, вышеприведенные выводы убедительно показывают, что малые страны, как участвующие в интеграционных процессах, так и стремящиеся к реализации политики примыкания, рассматривают принадлежность к объединению с точки зрения соотношения категорий «суверенитет» – «выгода». Обладание ограниченными ресурсами означает, что для малых государств наибольшая выгода может быть получена на самых ранних этапах интеграции (зона свободной торговли, таможенный союз, единое экономическое пространство), а потому их готовность участвовать в ее углублении и продолжать «жертвовать» суверенитетом ради снижающейся «добавленной прибыли» видится весьма неопределенной.

Экстраполируя полученные результаты на Украину, можно констатировать, что уже на нынешнем этапе – этапе ее заинтересованности в примыкании к одному из великодержавных акторов – принятие решения о начале интеграции в конкретном направлении неразрывно связано с вопросом удержания власти. Подобный характер связи внутреннего и внешнего пространств на украинском примере объясняется как вызовами, связанными с проведением в стране экономических и политических реформ (предполагаемых при заключении Соглашения об ассоциации с Европейским союзом), так и спекуляциями относительно «сдачи» государственного суверенитета более сильному партнеру (в случае сближения с Таможенным союзом во главе с Россией). Результатом же сложившейся ситуации явился тот факт, что за последние почти 10 лет (с 2004 г.) вне зависимости от находящейся у власти в Украине политической силы отсутствовала практическая, конкретная интеграция.

Наличие указанных противоречий на нынешнем, «предварительном» этапе позво-

ляет вполне обоснованно предположить их если не обострение, то, по крайней мере, сохраняющуюся актуальность при реальном участии Украины в интеграционных процессах. Указанное обстоятельство наглядно демонстрирует, что Украина, выгодное сближение с которой представляет несомненный интерес и для России, и для Европейского союза, имеет высокий потенциал в лучшем случае торможения любых инициатив, направленных на углубление интеграции.

Таким образом, во всех трех случаях приходится констатировать несоответствие названных положений реальности. Заинтересованность России и Европейского союза в интеграции с Украиной предусматривает определенные ожидания, соответствие которым носит определяющий для будущего такой интеграции характер. Видимость давления России на Украину по интеграционным вопросам обусловлена целой совокупностью факторов, однако также далека от реальности. Наконец, перспективы интеграции с Украиной одного из акторов являются неопределенными, а потому говорить об их очевидных выгодах и потерях пока преждевременно.

Применительно к российско-украинскому взаимодействию и российской политике из сделанных выводов исходит следующее значение. Главным вопросом отношений двух стран в ближайшее время будет по-прежнему оставаться ориентация руководства Украины на тесное сближение с европейскими и евроатлантическими организациями и стремление к экономической интеграции с Европейским союзом. Тот факт, что в основе этого стремления находятся не только субъективные, но и объективные причины, ставит перед Россией сложную задачу. Ее суть заключается не в интенсификации переговорного процесса как такового, а в придании на практике Таможенному союзу и Единому экономическому пространству статуса эффективных интеграционных проектов, способных заинтересовать новых членов в полноценном участии в них.

Однако вероятность того, что желание российского руководства привлечь Украину к евразийским группировкам будет с течением времени только нарастать, можно оценить как достаточно высокую. В пользу этого говорит,

с одной стороны, затягивание переговоров Украины и ЕС по поводу условий заключения Соглашения об ассоциации, а с другой – возрастающие издержки сохранения Украиной своего внеинтеграционного положения, долгосрочная неэффективность которого вполне очевидна [1]. С учетом этого, принятие во внимание следующих двух обстоятельств при выработке и реализации российской внешней политики видится крайне важным. Во-первых, необходимо помнить, что заинтересованность самой Украины в интеграции является конъюнктурной (как и у любого государства), а потому, в ее случае, ограниченной (в отличие от России). Следовательно, во-вторых, России нужно выработать свой, аналогичный европейскому набор «ожиданий», который будет ориентирован не только и, возможно, не столько на соблюдение равенства выгод сторон в ходе интеграции, сколько на придание интеграционным процессам стабильного, поступательного и в перспективе всеобъемлющего характера. Именно последнее, по мнению автора, будет способствовать укреплению позиций России как регионального интеграционного лидера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордачев, Т. В. Интеграция и суверенитет в 21 веке : докл. / Т. В. Бордачев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.soyuzinfo.am/rus/analytics/detail.php?ELEMENT_ID=325. – Загл. с экрана.
2. Бордачев, Т. В. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки» / Т. В. Бордачев. – М.: Европа, 2009. – 304 с.
3. Бордачев, Т. В. Общество мирового уровня / Т. В. Бордачев // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 1. – Электрон. текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschestvo-mirovogo-urovnya-15457>. – Загл. с экрана.
4. Вуец, П. Владимир Жарихин : Украине все равно придется отдавать свой суверенитет / П. Вуец. – Изд. «Главком». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://glavcom.ua/articles/10967.html>. – Загл. с экрана.
5. Кавешников, Н. Ю. Малые и вредные / Н. Ю. Кавешников // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, № 3. – С. 84–92.
6. Кудряшова, И. В. Легко ли быть средневеликим / И. В. Кудряшова // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, № 3 (18). – С. 78–83.

7. Лихачев, А. Е. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития / А. Е. Лихачев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 6. – С. 4–24.

8. Россия вынесла сор из трубы. Новая форма отношений России с союзниками по СНГ. – Изд. «Коммерсантъ», 2004. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/451190/print>. – Загл. с экрана.

9. Council conclusions on Ukraine. – Council of the European Union, 3209th Foreign Affairs Council meeting. – Brussels. – 2012. – 10 Dec. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/134136.pdf. – Title from screen.

10. David, S. Explaining Third World Alignment / S. David // World Politics. – 1991. – Vol. 43, No. 2. – P. 233–256.

11. Klaus rocks European Parliament // Euronews. – 2009. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.euronews.com/2009/02/19/klaus-rocks-european-parliament>. – Title from screen.

12. Schwab, K. The Global Competitiveness Report 2012–2013 / K. Schwab. – World Economic Forum, 2013. – 213 p.

13. Schweller, R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in / R. Schweller // International Security. – 1994. – Vol. 19, No 1. – 72–107.

14. Szporluk, R. Russia, Ukraine, and the Breakup of the Soviet Union / R. Szporluk. – Stanford : Hoover Institution Press, 2000. – 478 p.

15. Walt, S. The Origins of Alliances / S. Walt. – Cornell University Press, 1990. – 336 p.

REFERENCES

1. Bordachev T.V. *Integratsiia i suverenitet v 21 veke (Doklad)* [Integration and Sovereignty in the 21st Century (Report)], 2013. Available at: http://www.soyuzinfo.am/rus/analytics/detail.php?ELEMENT_ID=325.
2. Bordachev T.V. *Novyi strategicheskii soiuz. Rossiia i Evropa pered vyzovami XXI veka: vozmozhnosti "bol'shoi sdelki"* [The New Strategic Alliance. Russia and Europe in front of 21st Century Challenges: perspectives of a «Big Deal»]. Moscow, «Evropa» Publ., 2009.
3. Bordachev T.V. *Obschestvo mirovogo urovnia* [A World Society]. *Rossiia v global'noi politike* [Russia in Global Politics]. 2012, no. 1. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschestvo-mirovogo-urovnya-15457>.
4. Vuets P. Vladimir Zharikhin : Ukraine vse ravno pridetsia otdavat' svoi suverenitet [Ukraine still have

to give away their sovereignty]. *Izдание "Glavkom"*. Available at: <http://glavcom.ua/articles/10967.html>.

5. Kaveshnikov N.Iu. Malye i vrednye [Small and harmful]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes]. 2008, vol. 6, no. 3, pp. 84-92.

6. Kudriashova I.V. Legko li byt' srednevelikim [Is it easy to be middle-sized?]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes]. 2008, vol. 6, no. 3(18).

7. Likhachev A.E. Tamozhennyi soiuz Rossii, Belorussii i Kazakhstana: istoriia, sovremennyi etap i perspektivy razvitiia [Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan: history, current stage and prospects of development]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. Moscow, 2010, no. 6.

8. Rossiia vynesla sor iz truby. Novaia forma otnoshenii Rossii s soiuznikami po SNG [Russia made a dirty pipe. A new form of relations between Russia and its allies in the CIS]. *Izдание "Kommersant"*, 2004. Available at: <http://kommersant.ru/doc/451190/print>.

9. Council conclusions on Ukraine. – Council of the European Union, 3209th Foreign Affairs Council meeting, Brussels, 10 December 2012. Available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/134136.pdf.

10. David S. *Explaining Third World Alignment*. [World Politics], 1991, vol. 43, no. 2.

11. Klaus rocks European Parliament. *Euronews*, 2009. Available at: <http://www.euronews.com/2009/02/19/klaus-rocks-european-parliament>.

12. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2012-2013. *World Economic Forum*, 2013.

13. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in. *International Security*. 1994, vol. 19, no. 1.

14. Szporluk R. Russia, Ukraine, and the Breakup of the Soviet Union. *Hoover Institution Press*, 2000.

15. Walt S. The Origins of Alliances. *Cornell University Press*, 1990. 336 p.

THREE MYTHS ABOUT UKRAINE BALANSING BETWEEN RUSSIA AND EUROPEAN UNION

Skriba Andrey Sergeevich

Postgraduate student, Department of World Policy,
National Research University "The Higher School of Economy"
askriba@gmail.com
ul. Myasnitskaya, 20, 101000 Moscow, Russian Federation

Abstract. The debate about the integration choice of the Ukraine during the last decade has traditionally been based on three well-known theses: (1) unique importance of the Ukraine to European and Eurasian integrations; (2) Russian desire to involve the Ukraine into the Eurasian integration by any means; (3) the Ukraine as a key point of the RussiaEU relations, still characterized as a zero-sum game. In this article, the author refutes the main stereotypes of Ukraine's balancing policy. Firstly, both actors (Russian and EU) expect the Ukraine to enter their integrations only in case this country meets their expectations. Otherwise, the only thing they need is to prevent its cooperation with an alternative actor. That is why, secondly, Russia will not pay a price for Ukrainian integration that it would consider as unacceptable. The Russian current policy is just about establishing fair relations with the Ukraine, without any benefits and subsidies. Thirdly, if the Ukraine becomes an integration participant, yet it doesn't mean that the actor it approaches with has clear advantages and they both will have only win-win outcomes. Even within the integration, the Ukraine seems to continue its balancing policy, trying to get maximum profit, giving minimum contribution. Finally, the study shows that these theses have a negative impact on the development of the Russia-Ukraine cooperation either. Critical analysis of these theses made it possible to free the Russia-Ukraine relations from a speculating component and discovered the true essence of the conflicts between the two countries. In addition, the research results can improve the policy aimed at the effective involvement of the Ukraine in the Eurasian integration process.

Key words: Ukraine, balancing policy, integration, balance of power between Russia and EU, minor states' policies.